

РУССКІЕ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Блестящіе успѣхи русскаго оружія въ Средней Азіи не могли не обратить вниманія иностранной прессы. Западные публицисты съ безпокойствомъ заявляли читающей публикѣ о новомъ, громадномъ расширеніи сѣвернаго колосса, грозившемъ нарушить политическое равновѣсіе Европы. По мнѣнію пѣкоторыхъ изъ нихъ, властолюбивые замыслы Россіи останутся лишь у подошвы Гималая, если Англія съ своей стороны не приметъ дѣятельныхъ мѣръ для противодѣйствія опасному для нея сосѣдству *). Англійская газета Morning-Post протестовала противъ слишкомъ общаго и неопредѣленнаго, по ея мнѣнію, названія Туркестана, которымъ русское правительство означило свои новые пріобрѣтенія, отыскивая въ немъ признаки посягательства на всю Центральную Азію.

Нѣтъ сомнѣнія, что многочисленные читатели иностранныхъ журналовъ, а особенно Французы, готовы приписать на вѣру слова публицистовъ, большею частію плохо знакомыхъ съ сущностію вопроса, и въ припадкѣ легковѣрія выражать свое сочувствіе этимъ, будто бы, новымъ невиннымъ жертвамъ нашего ненасытнаго властолюбія. Отдаленность и неизвѣстность странъ, служащихъ театромъ военнымъ дѣйствій и знакомыхъ западному воображенію большею частію изъ волшебныхъ преданій арабскихъ поэтовъ; громкія имена Самарканда и Бухара, невольно напоминающія о блестящей эпохѣ Калифовъ, не мало способствуютъ поддержкѣ и укорененію, хотя и поэтическаго, но тѣмъ не менѣе грубаго заблужденія. Поэтому нельзя не отнестись безъ сочувствія ко всякой добросовѣстной попыткѣ направить умы къ бо-

лѣе точному и положительному пониманію политическихъ событій, относясь къ намъ безъ предвзятой теоріи и напускной фразеологіи кабинетнаго увлеченія. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Revue des deux Mondes* *), подъ рубрикой „La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale“ (Россія и Англія въ Центральной Азіи) помѣщена была статья, далеко не лишенная интереса. Авторъ ея не только представляетъ историческій очеркъ описываемой страны, но и старается изобразить живую картину нравственнаго и соціальнаго быта ея обитателей. Резюмируя свои выводы, онъ приходитъ къ тому заключенію, что занятіе и покореніе Ташкента русскими силами было прямое дѣйствіе столь же уважительнаго въ государственномъ, какъ и въ гражданскомъ быту, права необходимой обороны. Владычество Россіи будетъ не тяжестію и не бѣдствіемъ для новопокоренныхъ ею народовъ, а напротивъ истиннымъ благодѣяніемъ, какъ единственный исходъ къ цивилизаціи и правильной формѣ государственнаго быта, которыхъ они не въ состояніи были выработать собственными силами въ теченіи цѣлыхъ столѣтій самостоятельнаго существованія. По его мнѣнію, западная Европа должна не только сочувственно относиться къ нашимъ быстрымъ успѣхамъ въ Центральной Азіи, но и искренно желать болѣе прочнаго утвержденія въ ней русскаго владычества, въ видахъ цивилизаціи и общечеловѣческихъ интересовъ. Наконецъ, не останавливаясь на этихъ смѣлыхъ, но справедливыхъ выводахъ, авторъ утверждаетъ, что новое расширеніе Россіи не представляетъ ничего предосудительнаго ни для спокойствія Европы, ни для безопасности англійскихъ владѣній въ Индіи. Этому вопросу

*) См. въ *Revue des Deux Mondes*, livr. du 15 fevrier 1867. статью Эмиля Woule „les Russes dans l'Asie Centrale.“

*) См. *Revue des deux Mondes*. Liv. du 1-er juin 1867. „La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale—les Russes en Boukarie par M. Quilaume Lejean.“

онъ полагаетъ посвятить особую статью, такъ какъ въ немъ собственно заключаются главные причины высказываемыхъ опасеній журналистами.

Нельзя не согласиться съ логичностью и справедливостью вышеприведенныхъ выводовъ, тѣмъ болѣе, что авторъ, посѣщавшій страну нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, черпаетъ свои доводы не изъ фельетонныхъ разказцевъ но изъ виденной имъ дѣйствительности. Прежде, чѣмъ воспользоваться нѣкоторыми изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, скажемъ съ своей стороны два слова въ отвѣтъ на увѣренія публицистовъ, отыскивающихъ въ настоящихъ событіяхъ связь съ преданіями дипломатіи Петра Великаго и желающихъ во что бы то ни стало подобно Эмилю Вовте, видѣть въ настоящихъ политическихъ событіяхъ Средней Азіи осуществленіе давно задуманнаго и старательно взлелѣяннаго нашимъ правительствомъ политическаго плана.

Вопросъ о владѣніи Центральной Азіей никогда не являлся традиціональнымъ вопросомъ нашей политики, никогда не стоялъ на ряду съ болѣе важными и первостепенными вопросами, какъ, напримѣръ, польскимъ или восточнымъ. Значеніе его преимущественно торговое, финансовое. Дѣйствительно, въ началѣ настоящаго столѣтія, петербургскій кабинетъ нѣсколько разъ обращалъ свое вниманіе на Среднюю Азію, мечтая не столько о завоеваніяхъ, сколько о возможности проломить себѣ торговый, а въ случаѣ надобности, и военный путь въ Индію. Усилившееся могущество Англіи и своевольные поступки, которые она позволяла себѣ противу континентальныхъ державъ, благодаря обширности своихъ морскихъ силъ, вызвали эту новую тенденцію, какъ естественное желаніе противодѣйствія. Императоръ Павелъ чистосердечно ненавидѣлъ политику ст.-джемскаго кабинета; это нерасположеніе, какъ извѣстно, было одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ его къ сближенію съ первымъ консуломъ. Рыцарское желаніе обу-

дать своеволие непобѣдимой властительницы морей пробудило въ умѣ Императора мысль поразить ея силы въ главномъ источникѣ колониальнаго богатства. Смерть Императора разрушила эти смѣлые замыслы; но впоследствии, въ періодъ дружественныхъ сношеній съ Франціей, Императоръ Александръ I не чуждался также мысли о сухопутной экспедиціи въ Индію. Можно полагать, что при личныхъ свиданіяхъ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, этотъ вопросъ не разъ былъ затронутъ на ряду съ прочими. Императоръ Французовъ имѣлъ прямую выгоду поддерживать въ этомъ направленіи мысли своего могущественнаго союзника, сколько изъ желанія ослабить свою заклятую соперницу—Англію, столько же съ цѣлю отвлечь и направить въ другую сторону громадныя силы Россіи, способныя оказать ему противодѣйствіе на европейскомъ континентѣ. Несмотря однако на все это, блестящему проекту индійской экспедиціи не суждено было выйти изъ области политическихъ мечтаній. Охлажденіе Императора Александра къ континентальной системѣ и послѣдовавшій близко за тѣмъ разрывъ съ Франціей, сдѣлали осуществленіе его невозможнымъ. Съ той поры до 50-хъ годовъ мы не видимъ никакихъ попытокъ со стороны правительства увеличить территорію государства на счетъ Центральной Азіи. Экспедиція 1839 г., вызванная безразсудными поступками Хивинскаго хана, имѣла главною цѣлю не столько противодѣйствіе походу лорда Аукленда въ Кабулъ, сколько устрашеніе и справедливое наказаніе хивинскихъ разбойниковъ. Несравненно проще и послѣдовательнѣе относить причины настоящаго постепеннаго стремленія русскаго владычества въ глубь Центральной Азіи въ присутствіи веѣмъ необходимости охранять свои предѣлы отъ разбоевъ и насилій полудикихъ обитателей ханствъ. Съ этой точки зрѣнія прогрессивное движеніе нашихъ военныхъ силъ является дѣйствіемъ не только послѣдовательнымъ, но даже неизбѣжнымъ. Охра-

неніе одной мѣстности обусловливало занятіе другой и такъ далѣе, пока представлялась опасность. Той же системой руководствовались и Французы. Утвердившись въ Америкѣ, они постепенно завоевывали Медакъ, Мемиджа, Лагуашъ и Уарама, прикрывая одно завоеваніе другимъ. Еслибы безпокойные обитатели Средней Азіи и не грозили опасностью нашимъ восточнымъ границамъ, то правительство все таки не могло равнодушно смотреть на постоянное расхищеніе и набѣги, отъ которыхъ такъ часто страдали мирные пограничные жители.

(Продолженіе будетъ).

Д. Познякъ.

Еще съ незапамятныхъ временъ, владычество Центральной Азіей раздѣлялось между народами двухъ различныхъ племенъ: Иранскаго, или Персидскаго и Туранскаго, или Татарскаго. Персидское племя обнимаетъ не только однихъ обитателей нынѣшней Персіи, но также и массу народностей, разбросанныхъ по направленію отъ Аму-Даріи вплоть до западныхъ предѣловъ Китая. Племенная связь этихъ народностей проглядываетъ въ общемъ употребленіи ими персидскаго нарѣчія съ большею или меньшею примѣсью турецкихъ и тибетскихъ словъ. Эти различныя народности извѣстны сосѣднимъ съ ними турецкимъ племенамъ подъ общимъ прозваніемъ Таджиковъ. Привязанность къ осѣлости и хлѣбопашеству поставила ихъ съ первыхъ же моментовъ исторической жизни въ непріязненные и враждебныя отношенія къ народамъ туранскаго племени. Еще въ отдаленныя времена своего процвѣтанія и могущества персидская монархія старалась охранять свои владѣнія отъ разграбленій дикихъ ордъ кочевниковъ, вѣчно готовыхъ опустошать ея предѣлы. По завоеваніи персидскаго царства, Александръ Македонскій положилъ основаніе Бактріянскому государству, которое нѣсколько столѣтій было представителемъ греческой цивилизаціи въ Центральной Азіи, до той поры, когда Паряеи утвердили въ ней

свое могущество и Бактріана, парави съ другими греческими колоніями, основанными у истоковъ Инда, пала подъ напоромъ кочующихъ варваровъ. Съ той поры Центральная Азія содѣлалась театромъ необузданнѣйшей анархіи. Возникавшій исламизмъ вызвалъ новыя силы, и блестящая эра калифовъ освѣщаетъ, непродолжительное время, поэтическимъ свѣтомъ кровавыя лѣтописи этихъ странъ. Но и калифы послѣдовали участи Селевкидовъ: владычество ихъ, наскоро воздвигнутое, оказалось не прочнымъ и распалось при первомъ сильномъ столкновеніи. На обломкахъ его, возникаютъ новыя государства, между которыми на первомъ планѣ мы находимъ Фергассу, процвѣтавшую въ эпоху крестовыхъ походовъ. Фергасса заключала въ себѣ въ это время цвѣтушіе и населенные торговые центры: Самаркандъ, Бухару и Ургентъ, великолѣпіе которыхъ воспѣваетъ Эдризъ и другіе средневѣковые арабскіе поэты. Преобладающимъ племенемъ въ этомъ государствѣ мы находимъ «Узбековъ» монгольскаго происхожденія. Узбеки, овладѣвшіе наслѣдіемъ калифовъ, мало по малу поддались цивилизаціи покоренной ими страны; но благосостояніе ихъ было непродолжительно и было нарушено движеніемъ единоплеменныхъ имъ кочующихъ Монголовъ, которые опустошивъ восточную часть Европы, отступили назадъ и начали, подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, а потомъ Тимура или Тамерлана, дважды опустошать Среднюю Азію, превращая въ безлюдныя степи ея цвѣтушія поселенія. Послѣ паденія Монгольскаго владычества въ концѣ XV вѣка, Узбекамъ удалось снова захватить свое старое достояніе. Они утвердились въ ханствахъ Хивинскомъ и Бухарскомъ, но уже утратили совершенно преданія прежней цивилизаціи, сохранивъ лишь дикія страсти насилія и грабежа, укоренившіяся въ періодъ послѣдней ихъ скитальческой жизни. Ничего не можетъ быть скучнѣе

*) Въ предыдущемъ № имя автора статьи: *Les Russes dans l'Asie Centrale* напечатано ошибочно; слѣдуетъ — *Emile Jonvaux*.

и однообразіе послѣдующихъ событій исторической жизни главнѣйшихъ державъ Средней Азіи—Хивы, Кокана и Бухары. Вездѣ находимъ повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій. Безсмысленный произволъ правительствъ, бунты и безпорядки при всякомъ новомъ переходѣ верховной власти, измѣны, предательства, возстанія вассальныхъ князьковъ, грабежи и набѣги на сосѣднія области наполняютъ лѣтописи ханствъ до недавней эпохи столкновенія ихъ съ русскимъ могуществомъ. Отъ древней цивилизаціи не осталось даже и слѣдовъ. Знаменитѣйшіе нѣкогда торговые центры Средней Азіи, Самаркандъ и Бухара, едва насчитываютъ нынѣ до 100 т. жителей вмѣстѣ. Пресловутое мануфактурное производство ханствъ, о которомъ говорятъ западные публицисты, заключается въ выдѣлкѣ грубыхъ бумажныхъ тканей, способныхъ, благодаря единственно своей дешевизнѣ, выдержать конкуренцію съ англійскими издѣліями того же рода, и незначительнаго числа шелковыхъ матерій, потребляемыхъ мѣстной знатію. Главнѣйшее значеніе Бухары чисто религіозное, но и оно, постепенно возрастая, сдѣлало изъ этого города средоточіе необузданнѣйшаго фанатизма. Отецъ царствующаго Эмира первый положилъ основаніе той системѣ правительственнаго аскетизма, которая въ настоящее время достигла здѣсь самыхъ крайнихъ предѣловъ. Онъ весьма ловко умѣлъ эксплуатировать религіозную идею для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Недовольный безпокойными вмѣшательствами въ общественныя дѣла аристократіи (Сипаевъ или Сгисасовъ), онъ напустилъ на нихъ уличную чернь, предварительно настроенную дервишами, и Сипаи были истреблены, какъ противники правосудія. Послѣ уничтоженія этого оппозиціоннаго элемента, чудовищный деспотизмъ, тщательно облаченный въ форму аскетическаго благочестія, обращаетъ Бухарскую область въ какую-то уродливую религіозную общину, управляемую терроромъ ханжества. Малѣйшее несоблюденіе одного изъ вышнихъ пред-

писаній корана казнилось смертію. Такой ригоризмъ не препятствовалъ однакожъ богобоязненному Эмиру содержать въ своемъ дворцѣ чудовищный гаремъ, составленный изъ сотни юношей, выбранныхъ изъ знатнѣйшихъ семействъ Бухары. Этому дикарю наследовалъ сынъ его, нынѣшній Эмиръ-Моцаферъ-Ханъ. Истинный фанатикъ, онъ продолжалъ систему отца не столько изъ политическихъ видовъ, сколько изъ религіознаго убѣжденія и, можно сказать, пошелъ еще далѣе по этому пути. Правительственные шпионы наводятъ государство, слѣдя за исправнымъ исполненіемъ предписаній благочестія. Одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ подвергся смертной казни, по обвиненію въ нескромномъ взглядѣ, брошенномъ на покрытую матрону. Еще недавно главнокомандующій бухарскими военными силами Шарукъ-Ханъ былъ лишенъ сана и подвергся изгнанію, не смотря на родство съ царствующимъ шахомъ, за постройку слишкомъ роскошнаго жилища. Поддержанію подобнаго духа много способствуетъ религіозное значеніе, которымъ обязана Бухара своимъ священнымъ гробницамъ. Тысячи богомольцевъ ежегодно отправляются на поклоненіе ея святынямъ. Этотъ бродячій людъ составляетъ закваску религіознаго фанатизма, покровительствуемаго правительствомъ; онъ еще болѣе усилился по занятіи русскими Хазрета, имѣвшаго такое религіозное значеніе. Шатающіеся святоши, поклонявшіеся здѣсь гробницѣ Хадиса-Авжета, перебрались въ Бухару вмѣстѣ съ своими собратьями другихъ мѣстностей, также покоренныхъ русскимъ оружіемъ. Эти толпы оборванныхъ и бродячихъ нищихъ наполняли площади Бухары, съ гамомъ и воплемъ, призывая правосѣрныхъ на защиту святыней. Производительные и рабочіе классы встрѣтили довольно равнодушно эти безумные вызовы; но немущая масса охотно была готова двинуться впередъ, надѣясь лишь на какую нибудь поживу и добродушно полагаясь на завѣренія благочестивыхъ бого-

мольцевъ, что Фата (первая пѣснь корана), произнесенная съ вѣрой, сокрушитъ силы противника, а грошевой талисманъ предохранитъ отъ его картечь и пуль. Вотъ съ какими жалкими и наивными убѣжденіями народы Средней Азіи выступили въ пагубную борьбу, увлеченные безсмысленнымъ и слѣпымъ фанатизмомъ своихъ правительствъ.

Изъ этого очерка нетрудно прійти къ убѣжденію, что только полное, цѣлостное завоеваніе Бухаріи можетъ гарантировать намъ будущее спокойствіе и нормальное развитіе прибрѣтенныхъ странъ. Пока Бухара сохраняетъ свое настоящее религіозное значеніе, мы должны быть всегда готовыми, особенно въ эпоху ежегодныхъ поклоненій, видѣть на своихъ границахъ угрожающія фанатическія возстанія. Фактическое подтвержденіе этого положенія мы встрѣчаемъ на сѣверо-западной границѣ Индіи, гдѣ англійское правительство принуждено постоянно содержать сильный гарнизонъ для подавленія непрерывно вспыхивающимъ религіозныхъ смуть. Другая не менѣ побудительная причина заставляетъ желать полного покоренія этой страны русскому могуществу—въ видахъ цивилизаціи и чисто человѣческихъ интересовъ. Безнравственная торговля рабами, отчасти ослабѣвшая въ Турціи, благодаря вмѣшательствамъ христіанскихъ державъ, находила до сихъ поръ безопасный притокъ и выгодный сбытъ въ степяхъ Средней Азіи. Туркменцы, кочующіе на пространствахъ, пролегающемъ между Каспійскимъ моремъ и Амударіей, обратили ловлю на людей въ постоянный и весьма выгодный промыселъ. Селенія Хоразана и Герата были до сей поры постоянными жертвами ихъ хищныхъ набѣговъ. Несчастные, захваченные ими въ плѣнъ, безжалостно продавались на рынкахъ торговыхъ городовъ, а особенно Бухары, если не имѣли возможности внести требуемаго выкупа. Чтобы убѣдиться, до какой степени послѣдствія этого промысла оказались губительны и разорительны для прилегающихъ странъ, стоитъ только сравнить сказанія путешественниковъ прошлаго вѣка о сѣверо-восточной

части Персіи, нѣкогда цвѣтущей и населенной, съ настоящимъ безлюдіемъ и запустѣніемъ. Персидское правительство оказалось безсильнымъ оградить свои предѣлы и равнодушно смотритъ на порабощеніе и продажу своихъ подданныхъ. Подобное равнодушіе было бы непростительно для государства цивилизованнаго и могущественнаго, подобнаго Россіи. Похищеніе и продажа нѣсколькихъ изъ нашихъ подданныхъ на хивинскихъ рынкахъ произвели первое серіозное столкновеніе съ ханствомъ Хивинскимъ, которое должно было прійти къ убѣжденію, что подобнаго рода поступки не сойдутъ ему даромъ съ рукъ, и почувствовать значеніе русскаго могущества. Единственной радикальной мѣрой къ искорененію безнравственной промышленности Туркменцевъ можетъ служить только закрытіе главнаго рынка, гдѣ находятъ выгодный сбытъ ихъ человѣческій товаръ, т. е. окончательное присоединеніе Бухарскаго ханства къ Россійской имперіи. Безъ этого всякая попытка удержать хищниковъ окажется несостоятельной. Туркменцы, вытѣсняемые изъ своихъ прикаспійскихъ кочевьевъ, найдутъ безопасное убѣжище въ стѣнахъ Бухары. Чтобы принудить ихъ отказаться отъ весьма выгоднаго промысла, нужно уничтожить возможность сбыта, и тогда промыселъ падетъ самъ собою. Въ послѣднее время вопросъ о значеніи и правахъ національности былъ такъ часто, и порою некстати, возбуждаемъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если найдутся охотники пощеголять имъ и на этой почвѣ. Нужно ли, однако послѣ всего того, что было писано и говорено по этому поводу, снова доказывать и повторять, что географическая особенность не составляетъ еще исключительнаго права на политическую самостоятельность. Еще неумѣстнѣе было бы примѣнять этотъ вопросъ къ народу, явно показавшему свою нравственную несостоятельность выработать собственными силами правильную форму государственнаго быта въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ самостоятельнаго существованія.

Д. Познякъ.

Мѣстное обозрѣніе.

Что такое Средняя Азія.—Экскурсія въ исторію ея занятія.—Зачѣмъ нужна Средняя Азія для Россіи.—Что сдѣлано въ Средней Азіи.—Положеніе русскихъ въ Средней Азіи.—Хлопководство.—Желѣзныя дороги.

Что такое Средняя Азія?

Средняя Азія? Это, видите ли, есть такая... ну какъ вамъ сказать?... Это какая то дикая, отдаленная страна, гдѣ живутъ киргизы, бухарцы, хивинцы, туркмены и другой разный инородецъ, ходятъ по пустыннымъ пескамъ поѣзда Закаспійской желѣзной дороги, тлутся вереницы уродливыхъ верблюдовъ; возятъ оттуда хлопокъ, ковры и еще что-то эдакое бухарское... Есть тамъ г. Ташкентъ, въ которомъ живутъ ташкентцы, извѣстные больше по щедринскимъ сатирамъ; есть г. Самаркандъ, славящійся какими то историческими остатками. Есть и еще что то, но все, знаете, эдакое дикое, пустынное, словомъ азіатское...

Вотъ что отвѣтятъ вамъ приблизительно девять десятыхъ изъ числа такъ называемыхъ „среднихъ читателей“ Россіи, воспитанныхъ въ понятіяхъ о средне-азіатской окраинѣ на краткихъ учебникахъ географіи, на рисункахъ художника Каразина, на газетныхъ корреспонденціяхъ и тому подобномъ матеріалѣ. Такой взглядъ впрочемъ чрезвычайно естественъ. Россія такъ велика, что трудно знать всѣ ея болѣе замѣтныя части, не говоря уже

объ „отдаленныхъ окраинахъ“, всегда достаточно дикихъ, малонаселенныхъ, пустынныхъ. Въ нихъ россійскому человѣку пельзя „ѣздить“, какъ онъ ѣздитъ на примѣръ въ Крымъ, на Кавказъ, въ Польшу; въ „отдаленныя окраины“ можно только „путешествовать“, какъ путешествуютъ за границу, во внутреннюю Африку, къ сѣверному полюсу... А разъ дѣло сводится къ путешествіямъ, то свѣденія о странѣ получаются все больше съ оттѣнкомъ таинственности, интересныхъ приключеній и даже нѣкотораго геройства... Не угодно ли почитать, что наговорилъ о своемъ путешествіи въ Среднюю Азію всѣмъ извѣстный Евгеній Марковъ. Впрочемъ это тоже просто и естественно. О мѣстности, въ которую только „ѣздить“, говорятъ кратко и даже равнодушно, о мѣстности, въ которую „путешествуютъ“, по поволѣ приходится говорить и занимательно и подробно, потому что о ней имѣетъ мало свѣденій не только читатель, но и пріѣхавшій путешественникъ, а часто даже и самъ обитатель ея.

Не угодно ли спросить средне-азіатца: что такое Средняя Азія? Большинство только дико на васъ посмотритъ, а малое меньшинство изъ отдѣла „среднихъ читателей“ дастъ вамъ отвѣтъ не сразу, а порывшись въ памяти и потрудивъ соображеніе. Средняя Азія? Это, собственно говоря, есть не болѣе какъ географическій терминъ, встрѣчающійся въ книжкахъ и вводимый въ употребленіе разными досужими людьми, гоняющимися за новостью и оригинальностью. На практикѣ никакой Средней Азіи нѣтъ, а есть Туркестанъ, или иначе Туркестанскій край, затѣмъ Закаспійская область, потомъ „сопредѣльныя ханства“ Бухарское, Хивинское, а можетъ быть Семирѣчье и Афганистанъ. Да именно можетъ быть... Ну а Кашгаръ? Да вотъ еще Кашгаръ развѣ.. Но позвольте, Кашгаръ—это что то уже китайское...

Словомъ даже и для самого средне-азіатца требуется книжка, какой нибудь учебникъ географіи „для низшихъ классовъ“, или же столь любимый и авторитетный Реклю, трактующій объ отдаленныхъ странахъ по не менѣе отдаленнымъ свѣденіямъ.

Но что же такое Средняя Азія?

Средняя Азія — это страна длиннаго и туманнаго прошлаго, недурнаго настоящаго и большаго будущаго.

Отбиваемая въ своемъ стремленіи на западъ и часто тамъ тѣснимая Россіа уже много вѣковъ легко и безпрепятственно расширяется на востокъ, встрѣчая здѣсь только одни необозримыя пространства, а не людей, которые могли бы за себя постоять. И замѣчательно, чѣмъ сильнѣе неудача на западѣ, тѣмъ энергичнѣе ея наступленіи на востокъ. Точно сильно отбитый откатывающійся шаръ. Укажемъ хотя на два случая. Послѣ сильныхъ неудачъ Ивана Васильевича Грознаго на западѣ Ермакъ Тимофѣевичъ „прорубаетъ окно“ въ огромную и богатую Сибирь; послѣ Крымской кампаніи то же дѣлаетъ М. Г. Черняевъ въ Средней Азіи. Но такъ какъ русскіе отступаютъ очень рѣдко, какъ говоритъ извѣстный Вамбери, то для насъ важны первые шаги смѣлыхъ и талантливыхъ русскихъ людей, чтобы мы потомъ легко дошли „до предѣла“. Въ Сибири мы перешагнули даже за море и если отступили, то во первыхъ не подъ давленіемъ чьей либо силы, а во вторыхъ вовсе недаромъ, а по выгодной сдѣлкѣ. Въ Средней Азіи никакихъ отступленій не предвидится; надобности въ этомъ нѣтъ, да и не предъ кѣмъ. Она занята основательно и прочно и по существу дѣла есть русская провинція, хотя пока и съ нерусскимъ населеніемъ.

Коснувшись исторіи, обратимъ также вниманіе на то, что занятіе Россіею восточныхъ странъ рѣдко сопровождалось строго обдуманнми заранѣе планами, а больше случайными обстоятельствами, и есть результатъ самодѣятельности и предпріимчивости людей, выступавшихъ въ поле для сравнительно маленькихъ цѣлей. Такъ Ермакъ пошелъ за Уральскій хребетъ главнымъ образомъ затѣмъ, что-бы наказать „царя сибирскаго“ за безпокойство, которое причиняли его подданные строгиновскимъ солеварнямъ; генералъ Черняевъ выступилъ для того, чтобы на югѣ Киргизскихъ степей „сомкнуть“ далеко вытянувшіяся линіи сибирскую и сырьдарьинскую. Если бы въ обоихъ случаяхъ были предварительно

обдуманы планы, то Ермакъ не пошелъ бы на „цѣлое царство“ съ сотнею людей, М. Г. Черняеву дали бы побольше батальоновъ и лучше оружіе, а не пушки „отечественной войны 12 года“, какъ онъ рассказываетъ самъ объ этомъ. Оба указанныя дѣла сдѣланы творившими ихъ безсознательно, случайно и есть результатъ массы мелкихъ случайностей, толкавшихъ дѣятелей впередъ, а не результатъ глубокой обдуманности и тѣмъ болѣе гениальности.

Но какъ бы то ни было, а мы заняли Среднюю Азію и первымъ долгомъ начали ругаться во всѣхъ журналахъ и газетахъ: и пустынная-то она, и дикая, и казнѣ дорого обходится, словомъ яйца выдѣннаго не стоитъ... Много словъ и гражданской скорби на это потратили, даже „ташкентца“ стремились превратить въ нѣчто нарицательное съ отрицательными качествами... И вы думаете, что однѣ только газеты и журналы ругались, ругались, такъ сказать, печатно? Нѣтъ, руготня шла не одна печатная, шла руготня и словесная: ругались мы, туркестанцы прежнихъ временъ, хоть не всѣ, конечно, но во всякомъ случаѣ большинство. Вызывалась вся эта руготня, и печатная и словесная, во первыхъ исконнымъ русскимъ легкомысліемъ и привычкою приходить къ весьма скорымъ рѣшеніямъ и притомъ въ формѣ безповоротной, а во вторыхъ незнаніемъ страны, которую заняли. Прійдя сюда, мы очень скоро рѣшили, что Средняя Азія — это сплошная, никуда негодная пустыня съ маленькими оазисами, рѣдко вкрапленными въ море песковъ и солончаковъ. Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Такъ то оно такъ, да несовсѣмъ.

Что въ Средней Азіи много абсолютныхъ пустынь, занятыхъ бесплодными и безводными солончаками, глинистыми степями (такирами) и заваленныхъ песками, совершенно вѣрно. Но вѣрно также и то, что среди этихъ пустынь, годныхъ только для полудикихъ номадовъ, вкраплены не маленькіе, а огромные оазисы, изобилующіе плодороднѣйшими въ мірѣ почвами и оросительною водою, безъ которой здѣсь каждая мѣстность, исключая горъ, почти бесплодна. При занятіи Средней Азіи подобныя оазисы мы нашли пустынными и безъ дальнихъ разгово-

ровъ причислили ихъ къ разряду абсолютныхъ пустынь, вродѣ той, по которой тянется Закаспійская желѣзная дорога. На самомъ же дѣлѣ это не абсолютныя пустыни, а только мѣстности *запущенныя* вслѣдствіе чисто историческихъ причинъ, какъ на примѣръ запущена славная въ древности Месопотамія. Такихъ запущенныхъ мѣстностей въ Средней Азіи весьма много. Къ числу ихъ принадлежатъ Мервскій оазисъ, берега р. Аму-Дарьи отъ линіи горъ до Аральскаго моря, берега р. Сыръ-Дарьи отъ Ферганской долины до ея устья, берега р. Чу почти на всемъ ея протяженіи, Джизакская голодная степь и проч. Всѣ эти мѣстности обладаютъ сотнями тысячъ десятинъ плодородной почвы, огромнымъ запасомъ оросительной воды; всѣ онѣ изрѣзаны разрушенными оросительными каналами, завалены остатками городовъ и поселеній; всѣ онѣ кормили ранѣе миллионы людей, которые жили богато, привлекая къ себѣ алчныя взгляды всемірно извѣстныхъ завоевателей, начиная съ Кира, какъ привлекала ихъ Индія. Достаточно хоть этого указанія, чтобы понять, что Средняя Азія не сплошная, никуда негодная пустыня, а нѣчто такое, для завоеванія и грабежа котораго стоило двигать войска изъ дальнихъ Византіи, Аравіи и Монголіи, нѣчто достойное вниманія. Вотъ такія то ея достоинства, а вовсе не ея недостатки, погубили страну, привлекая въ теченіе столѣтій къ себѣ алчныхъ дикарей, какъ привлекали къ себѣ Сирія и Египетъ.

Мы, русскіе, послѣдній народъ, занявшій Среднюю Азію; намъ достались жалкіе обломки старой культуры. Если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія немедленнаго полученія крупнаго процента на затраченный капиталъ, то послѣднее пожалуй и досадно, а особенно если сравнить себя съ прежними завоевателями и съ англичанами въ Индіи. Всѣ они затрачивали мало, а получали много и при томъ немедленно. Но если смотрѣть съ точки зрѣнія нормальнаго, здороваго роста государства, то, такъ сказать, временная досада должна уступить свое мѣсто довольству. Для государства большое счастье, что оно занимаетъ не Индію съ многомилліоннымъ туземнымъ населеніемъ, всегда стремящимся

сбросить иноземное владычество, а пустынные Сибири, Новороссіи, Среднія Азіи, гдѣ туземное населеніе нисколько не мѣшаетъ создать *чисто русскія* области, прилѣпленные къ ядру не десяткомъ батальоновъ и исправниковъ, а милліонами *чисто русскихъ* людей, среди коихъ потонетъ туземное населеніе, какъ оно потонуло въ Новороссіи, на Волгѣ, въ Казани, Башкиріи и другихъ мѣстахъ. Вотъ тотъ процентъ, который получитъ Россія съ Средней Азіи и онъ будетъ значительно больше того, какой получила Англія съ пресловутой Индіи. Индія вѣчно останется Индіею, висящею на кончикѣ англійскаго штыка (и долго ли она провиситъ?), Средняя же Азія, чрезъ какую нибудь сотню лѣтъ, будетъ русскою провинціею, какъ чрезъ десятокъ лѣтъ всего ею стало дикое и пустынное Семирѣчье, Семирѣчье, созданное при томъ трудами только *одного* русскаго человѣка, дѣлавшаго свое дѣло скромно и незамѣтно, трудившагося не только „за честь, но и за совѣсть“... А развѣ русская земля оскудѣла русскими людьми?

Занятіе Средней Азіи имѣетъ не одно только политическое значеніе, какъ принято думать до сей поры; оно имѣетъ огромное, доминирующее экономическое значеніе. Россія, какъ государство сѣверное, обладаетъ произведеніями сѣвера, а потому сильно нуждается въ недостающихъ ей произведеніяхъ теплаго юга, почему присоединить къ Крыму и Закавказью еще Среднюю Азію съ пограничною чертою до 38° с. ш. не только не лишнее, но даже необходимо. Эта страна обладаетъ теплымъ климатомъ, а оазисы ея достаточнымъ многоводіемъ для орошенія и богатѣйшею въ мірѣ почвою — лесомъ или желтоземомъ, — на которой Китай, напримѣръ, ухитряется прокармливать сотню человѣкъ на такомъ квадратномъ пространствѣ, на которомъ въ Россіи если не умретъ съ голоду, то неособенно разжирѣетъ и одна семья. Въ южныхъ оазисахъ здѣсь сплошь да рядомъ снимается по *два* урожая въ лѣто; здѣсь не бываетъ, да и не можетъ быть сплошныхъ неурожаевъ по всей странѣ, а въ крайнемъ случаѣ можетъ случиться *пониженіе* урожаевъ противъ нормали, что при устройствѣ путей сообщенія вовсе не страшно. Страна, бла-

годаря земледѣлію съ орошеніемъ, никогда не потребуетъ много-милліонныхъ затратъ на прокормленіе населенія и разныя ссуды, какъ это недавно было во внутренней Россіи; она всегда обойдется своимъ хлѣбомъ, только превратите теперешнія пустынные земли въ жилы мѣста, а не кочевки полудикихъ номадовъ, эксплуатирующихъ тучныя почвы подъ выпаску барановъ и плохихъ лошадей. Заселите эти земли земледѣльцами и вы получите „драгоцѣнную жемчужину, оправленную въ золото песковъ“, какъ выразился одинъ изъ высокопоставленныхъ застольныхъ ораторовъ, заглянувшій сюда и внимательно осмотрѣвшій заброшенную ранѣе Среднюю Азію.

Но что же сдѣлано въ Средней Азіи какъ метрополію, такъ равно и ея сынами, посланными сюда не только на свое собственное, личное дѣло, но и на дѣло общегосударственное? Сдѣлано и много и мало—какъ смотрѣть на это. Если принять во вниманіе время, то сдѣлано очень много, а если принять во вниманіе количество сдѣланнаго и предстоящей работы, то пожалуй и мало. Въ послѣднемъ метрополія навѣрное сосчитаетъ себя въ сторонѣ: вамъ же поручено дѣло, вы и дѣлайте, потому не могу же я за васъ работать; моя обязанность направлять васъ и помогать вамъ; если же вы, напримѣръ, не просите помощи, то „дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ“, говоритъ пословица... Положимъ хоть и такъ—мы сдѣлали мало, но можно ли насъ винить въ этомъ? Думаемъ, что было бы жестоко и несправедливо, потому что къ настоящему то дѣлу мы приступили всего съ десятитокъ лѣтъ тому назадъ. Со дня взятія Ташкента протекло тридцать лѣтъ, изъ коихъ первыя двадцать лѣтъ должны быть, почти всецѣло, отнесены къ періоду героическому, когда мы все только покоряли, усмиряли, присоединяли, брали области и контрибуціи, получали бѣлые и черные кресты и нерѣдко ломали головы надъ вопросомъ, съ какою разумною будущею цѣлію мы все это дѣлаемъ? Этотъ періодъ характеризуется фигурою красавицы Славы съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и громкою трубою въ рукахъ, въ прозрачныхъ ризахъ парившей надъ миту-

щимся людям... Послѣ Кушки и постройки Закаспійской желѣзной дороги легкомысленная Слава исчезла въ облакахъ; вмѣсто ея появилась кроткая богиня Мира съ оливковою вѣтвью въ рукѣ, а за нею другіе боги и богини: Меркурій, Церера, Фемида, Вулканъ и проч.; словомъ появилась серьезная, дѣловая часть Олимпа, вмѣстѣ съ Афиною-Минервою, которая однако иногда не можетъ отдѣлаться отъ вѣчно сопровождающаго ее гримасника Момуса въ шутовской шапкѣ.. Последнее, впрочемъ, черта общечеловѣческая и умъ какъ одиночный, такъ и коллективный всегда способенъ на ошибки.

Что же мы однако сдѣлали въ указанные 30 лѣтъ? Лично мы, средне-азіатцы, сдѣлали пока два большихъ дѣла, и сдѣлали своими собственными силами. Первое и самое важное дѣло чисто государственное—это то, что мы сумѣли стать здѣсь твердо, грозно и весьма авторитетно. Своею культурою и нравственною силою всего въ тридцать лѣтъ мы приучили полудикаго средне-азіатскаго туземца смотрѣть на насъ какъ на распорядителей и устроителей его судьбы, чѣмъ далеко превзошли кавказцевъ. Туземное населеніе какъ русскихъ областей, такъ равно и „сопредѣльныхъ ханствъ“ давно перековало „мечи на орала и копы на серпы“. Въ Средней Азіи нѣтъ ничего подобнаго, что творится на Кавказѣ, гдѣ существуютъ разбои и набѣги, отъ которыхъ не застрахованы даже поѣзда желѣзныхъ дорогъ. Нашъ авторитетъ, созданный во время паренія надъ страною красавицы Славы, наше знаніе характера туземца, умѣнье обращаться съ нимъ, гуманное отношеніе къ нему, присущія какъ высшему, такъ и низшему изъ насъ, все это создало такое положеніе, что туземцы относятся къ намъ довѣрчиво, спокойно и радушно. Мы для нихъ высшая раса, но не гордая, заносчивая, а такая, съ которою можно имѣть дѣло безъ обидъ и униженій. Въ общей массѣ между нами и туземцами существуютъ самыя дружескія, мирныя отношенія и мы входимъ въ распорядки не силою, а простымъ умениемъ распорядиться. Такъ, туземцы нанимаютъ простыхъ мужиковъ, на примѣръ, для распорядка оросительною водою въ своихъ селахъ

и аулахъ, а бродячій уралецъ властно шумитъ и командуетъ въ аулѣ хивинскихъ туркменъ, этихъ исконныхъ и своевольныхъ разбойниковъ... Многіе изъ насъ разбросались въ одиночку по степямъ и пустынямъ и въ густой средѣ осѣдлаго населенія и никому въ голову не приходитъ, что-бы можно было потерять жизнь изъ за политической, или племенной вражды. Достойно замѣчанія, что послѣдній русскій убитъ туземцемъ, да и то съ цѣлю грабежа, лѣтъ 7—8 тому назадъ. Словомъ мы здѣсь чувствуемъ себя такъ же безопасно и спокойно, какъ въ любой изъ губерній внутренней Россіи и даже пожалуй и безопаснѣе, потому что русскій „придорожный молодецъ“ куда отважнѣе и храбрѣе грабителя сарта, узбека и киргиза. Поэтому намъ кажутся смѣшнымы страхи разныхъ путешественниковъ, пугающихся мохнатыхъ туркменскихъ или хивинскихъ шапокъ-папахъ и темныхъ, заочеченныхъ узбекскихъ и киргизскихъ лицъ. Мохнатая папаха при соответствующей глухой обстановкѣ пустыни или горъ можетъ быть страшна на Кавказѣ, но никакъ не въ Средней Азіи.

Второе наше большое дѣло, это то, что мы привили и развили въ Средней Азіи культуру американскаго хлопчатника, постепенно вытѣсняющаго азіатскій низкопробный хлопокъ. Ранѣе только этотъ сортъ хлопка вывозился отсюда въ количествѣ 500—600 тысячъ пудовъ въ видѣ волокна сквернѣйшей ручной очистки въ несуразныхъ верблюжьихъ кинахъ, вмѣстѣ съ пескомъ, пылью, навозомъ, конскими и бараньими костями, прибавлявшимися въ кичи для вѣса... Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ мы быстро развили посѣвы американскихъ сортовъ и теперь высылаемъ на московскія и лодзинскія фабрики до 3-хъ милліоновъ высокопробнаго, хорошо очищеннаго и укуореннаго волокна, вырвавъ такимъ образомъ у американцевъ и ливерпульскихъ коммисіонеровъ зубъ въ 30 милліон. золотомъ и сохранивъ эти деньги въ карманахъ російскихъ подданныхъ. Полагаемъ что это заслуга во первыхъ страны, огульно ранѣе забракованной, а во вторыхъ населенія ея, выказавшаго самодѣятельность и предпримчивость. Надъ развитіемъ хлопковаго дѣла трудились и тру-

дятся представители населенія безъ различія „племенъ, нарѣчій, состояній“, начиная съ скуластаго, прокопченнаго дымомъ киргиза и кончая интеллигентомъ съ знакомъ ученой степени на мундирѣ, или университетскимъ значкомъ на фракѣ. Это работа общая, обща и заслуга предъ дѣломъ экономическаго развитія Россіи.

Не нужно однако предполагать, что мы, сдѣлавъ *только два дѣла*, думаемъ носиться съ ними, какъ умники съ писанною торбою и бахвалиться, что вотъ де и мы не лыкомъ шиты и про насъ въ Москвѣ въ ланти звонятъ... Мы далеки отъ мысли курить себѣ и нашимъ дѣтелямъ фиміамы, а заявляемъ только голые, или выражаясь языкомъ сантиментальныхъ газетныхъ репортеровъ, „отрадные“ факты. Выражаясь въ томъ же стилѣ, мы должны сказать, что у насъ много „грустныхъ“ и „печальныхъ“ фактовъ, потому что гдѣ-же ихъ нѣтъ? Къ разряду такихъ „грустныхъ“ фактовъ нужно отнести то, что по многимъ дѣламъ мы сдѣлали мало, потому что *для насъ* мало сдѣлали. Мы очень молодая колонія, едва встающая и не укрѣпившаяся еще на ногахъ (что значить въ жизни страны 10—20 лѣтъ?), почему естественно требуемъ помощи со стороны „мамы“, т. е. нашей метрополіи. А наша „мама“ только въ послѣдній десятокъ лѣтъ начала обращать на насъ вниманіе, хотя мы громко требовали его къ себѣ и ранѣе. Но у нашей „мамы“ столько безпомощныхъ, ползающихъ дѣтей, что всѣхъ сразу на ноги не поставишь. Положимъ что такъ, съ „мамою“ спорить не приходится, но...

Вотъ хотя бы взять пути сообщенія, эти нервы каждой страны, артеріи, безъ которыхъ правильный ростъ ея тѣла невозможенъ. Путей сообщенія у насъ годныхъ мало, мѣстами онѣ крайне плохи, а мѣстами ихъ нѣтъ и вовсе. Сами мы справиться съ ихъ благоустройствомъ не можемъ—ни силъ, ни денегъ нѣтъ, а „дистанціи все огромнаго размѣра“. Выстроила намъ наша метрополія Закаспійскую желѣзную дорогу, это чудо смѣлости и искусства, но выстроила ее не спросивши насъ, а по какимъ то своимъ соображеніямъ, стратегическимъ или тамъ „ака-

демическимъ“, а далеко не по нашимъ экономическимъ. Порѣшили строить далѣе и опять по своимъ соображеніямъ, намъ несомнѣнно понятнымъ. Почему, напримѣръ, проектирована линія отъ Самарканда въ Фергану, а на Ташкентъ только вѣтвь? Конечно и на этомъ пока спасибо, дареному коню въ зубы не смотрятъ, но думаемъ, что затрачивать деньги всегда нужно выгодно и производительно.

Постройка Закаспійской желѣзной дороги напоминаетъ ту случайность предпріятій русскихъ людей, на которую указывалось выше. Первоначально проектировавшимъ ее, вѣроятно, и въ голову не могло прійти, что она дойдетъ современемъ до Самарканда и даже до Ферганы, какъ не могло прійти въ голову Ермаку, что его послѣдователи не только дойдутъ до Амуръ-рѣки и Камчатки, но и перешагнутъ на море. Какъ извѣстно первоначально была проектирована короткая военная линія съ единственною цѣлію облегченія завоеванія Ахаль-Текинскаго оазиса, сильно сопротивлявшагося послѣ пораженія подъ Геокъ-тепе генерала Ломакина. Но неожиданное занятіе Мервскаго оазиса и энергія генерала Аненкова довели дорогу до Самарканда и такимъ образомъ Средняя Азія получила свою желѣзную дорогу. Но свою ли на самомъ дѣлѣ? Думаемъ, что нѣтъ. Вотъ что говорятъ по этому поводу *Туркестанскія Вѣдомости*, газета всегда хорошо освѣдомленная по мѣстнымъ вопросамъ:

„Проведеніе Закаспійской желѣзной дороги, стѣпей для торговли съ карты пустыню, быстро переродило нашу окраину изъ ничтожной въ экономическомъ отношеніи провинціи въ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ частей государственной территоріи. Но эта дорога, сдѣлавъ свое дѣло, въ настоящее время уже не удовлетворяетъ нашей потребности въ путяхъ сообщенія, ибо служить только для сношеній съ Европейской Россіей, да и для этой цѣли она неудобна по своей кружности и потому, что прерывается Каспійскимъ моремъ. Это послѣднее обстоятельство и потребность не только мѣстная, но и общегосударственная, соединить Туркестанъ съ Сибирью, настойчиво требуютъ проложенія рельсоваго

пути изъ Средней Азіи на сѣверъ. Объ этомъ говорятъ и просятъ туркестанцы, объ этомъ ходатайствуютъ ирбитскіе купцы, объ этомъ поднимаютъ вопросъ въ другихъ мѣстахъ, это, наконецъ, въ принципѣ рѣшено въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, гдѣ, какъ намъ извѣстно изъ хорошаго источника, собираются уже данныя для рѣшенія вопроса о направленіи будущей желѣзной дороги. Вопросъ этотъ — очень важный вопросъ и ошибочное его рѣшеніе было бы трудно поправимо. Въ стремленіи по мѣрѣ силъ содѣйствовать выясненію обстоятельствъ дѣла, мы помѣстили рядъ статей, написанныхъ по этому поводу. Авторы ихъ, безусловно соглашались съ нами и между собою, что желѣзная дорога изъ Ташкента на сѣверъ положительно необходима, стоять за рельсовый путь на Оренбургъ съ вѣтвью на Челябинскъ“ *).

Вотъ именно. Линія на Оренбургъ изъ Ташкента, или изъ другаго какого-либо пункта, будетъ *нашею* средне-азіатскою дорогою по преимуществу, такъ какъ непосредственно свяжетъ насъ съ метрополіею, удешевивъ чуть не вдвое перевозку какъ нашихъ грузовъ, такъ равно и идущихъ къ намъ. Последнее такъ-же важно какъ и первое для экономическихъ интересовъ метрополіи и колоніи. Нужно замѣтить, что наше сырье перерабатывается на фабрикахъ внутренней Россіи и переработанное идетъ къ намъ обратно въ огромномъ количествѣ. Какъ на болѣе яркій, всѣмъ бросающійся въ глаза, примѣръ укажемъ на то, что почти вся Средняя Азія одѣвается въ московскіе ситцы, сукна и другія матеріи, пьетъ чай изъ тульскихъ самоваровъ и мальцевскаго, кузнецовскаго и пр. фабрикъ фаянса, варить пищу въ тагильскихъ котлахъ и т. д. Въ настоящее время одна часть товаровъ идетъ сюда чрезъ Кавказъ и Каспійское море, обладающее слабымъ и плохимъ флотомъ и кладущимъ на грузы крупный процентъ кружностью пути, перегрузками и затяжками сроковъ доставки. Сибирскіе товары, безъ которыхъ средне-азіатецъ рѣши-

*) „Туркест. Вѣдом.“ № 20, 1896 г.

тельно обойтись не можетъ, везутся къ намъ при помощи пресловутаго „карабля пустыни“, дѣлающаго съ дневками и остановками въ общей сложности не болѣе 15 верстъ въ день, а то и менѣе, если его косоглазый хозяинъ вздумаетъ покочевать въ степяхъ, что случается весьма нерѣдко.

Линія на Оренбургъ представляетъ несомнѣнныя выгоды не только для Средней Азіи, но и для внутренней Россіи и Сибири, отрѣзанной теперь отъ насъ огромными пространствами и получающей, напримѣръ, рисъ изъ Малой Азіи по 15—20 к. за фунтъ, когда у насъ ему цѣна отъ 2 до 4 коп. Съ Сибирью насъ свяжетъ небольшая, сравнительно, линія, взятая или отъ Оренбурга, или же отъ Орска, и выведенная на Челябинскъ—точку соединенія съ Великимъ сибирскимъ желѣзнодорожнымъ путемъ.

Впрочемъ устройство будущихъ правильныхъ путей сообщенія для Средней Азіи, вопросъ обширный, требующій внимательнаго, хладнокровнаго къ себѣ отношенія, что бы опять не впасть въ ошибку. Мы вполне присоединяемся къ мысли *Туркестан. Вѣдом.*, что прежде нежели предпринимать что-либо по этому дѣлу, необходимо выработать детально общій планъ, взвѣсивъ всѣ экономическія условія мѣстностей, которыя предполагается освѣтить новыми линіями дорогъ *). Для насъ время случайныхъ предпріятій уже прошло, такъ какъ страну и ея насущныя потребности мы всетаки успѣли изучить, почему въ правѣ требовать вниманія къ нашему голосу. Въ столицѣ можетъ казаться простымъ и понятнымъ проложеніе магистральной линіи отъ Самарканда въ Фергану съ *вѣтвью* на Ташкентъ, но, извините, эта *вѣтвь* рѣжетъ наше ухо своею видимою необдуманностью, случайностью проекта, если можно такъ выразиться. Экономическія условія Средней Азіи требуютъ совсѣмъ обратнаго, именно магистрали на Ташкентъ и *вѣтви* на Фергану.

Кромѣ дорожнаго дѣла въ Средней Азіи имѣется множество другихъ дѣлъ, или, выражаясь газетнымъ языкомъ, вопросовъ,

*). Туркестан. Вѣдом. № 20. 1896 г.

какъ важныхъ, такъ и не особенно важныхъ, какъ начатыхъ уже, такъ и ждущихъ своей очереди. Къ дѣламъ важнымъ и начатымъ можно причислить слѣдующія: дѣло колонизаціи русскихъ областей русскимъ элементомъ и ассимиляціи туземцевъ съ кореннымъ населеніемъ Имперіи, дѣло ирригаціонное по отношенію за-пустошенныхъ мѣстностей для русскихъ колонистовъ, дѣло народнаго просвѣщенія, развитіе торговли и промышленности, поземельное дѣло и проч. Къ не начатымъ еще важнымъ дѣламъ можно причислить миссіонерское, давно назрѣвшее и ожидающее постановки на очередь.

На всѣ эти дѣла мы надѣемся обратить вниманіе читателей въ слѣдующихъ книжкахъ нашего скромнаго журнала.

Наше положеніе въ Средней Азіи.

Если обобщить всю нашу политику въ Средней Азіи, съ XVI-го вѣка и по днесь, то основной нашей задачей было исканіе *добрососѣдскихъ* отношеній. Мы покорили татарскія царства на Волгѣ только потому, что *инымъ путемъ* этихъ *добрососѣдскихъ* отношеній съ нашими недавними господами и завоевателями добиться было бы невозможно. Вѣчно пришлось бы ждать что эти блекнувшія царства съ каждымъ приливомъ *свѣжихъ силъ* изъ Средней Азіи сами бы перешли въ наступленіе на насъ.

За татарами съ вкрапленными въ нихъ черемисами, башкирцами и проч., лежалъ огромный сѣверъ Средней Азіи, Киргизскій и Калмыцкій край, Хива, Коканъ и Бухара считала этотъ край такимъ же „своимъ“ вассаломъ, какимъ Англія считаетъ теперь Авганистанъ.

Десятки и сотни лѣтъ наша *совѣстливая* политика изощрялась въ мѣрахъ кротости и строгости, прежде чѣмъ были установлены *добрососѣднія* отношенія съ киргизами. Причемъ только послѣ полного покоренія, на которое со скорбью въ сердцѣ и публичнымъ поканіемъ на весь свѣтъ рѣшилась наша *совѣстливая* политика. Какую войну вынесли передъ этимъ наши дипломаты со своими военными генераль-губернаторами въ Средней Азіи,

давно требовавшими радикальныхъ мѣръ!

Совершенно же такими же путями шло установленіе этихъ же добрососѣдскихъ отношеній съ Хивой, Бухарой, и Коканомъ! Бухара и Хива получили долю полнѣйшей свободы своей ужъ послѣ *полнаго покоренія*. Это былъ *особый шагъ* нашей политики, причины котораго не столько секретны, сколько трудно понятны, сложны и запутаны. Даже знающему ихъ въ точности, пришлось бы исписать добрый листъ бумаги, чтобы сколько нибудь пояснить. Когда одного бухарскаго политика спросили о мнѣніи на этотъ счетъ, онъ отвѣчалъ, облекши отвѣтъ свой въ цвѣты ораторскаго краснорѣчія и загадочности притчъ.

Онъ сказалъ: если Авганистанъ—левъ, *приученный* Британіей, то Бухара—смирная кошка, *заведенная* Россіей.... Богъ создалъ кошку, чтобы человѣкъ могъ воображать, что гладитъ тигра. Такимъ образомъ, создавая своихъ средне-азіатскихъ вассаловъ, Россія будто бы хотѣла *завести* свой „Авганистанъ“, „по англійски“.... Что мы *играли* въ вассалы-неподлежитъ сомнѣнію. Не успѣли въ Бухарѣ „просохнуть“ такъ сказать потоки крови, пролитой нашимъ завоеваніемъ, и не успѣли „стереться“ въ дорогъ ея слѣды нашихъ боевыхъ и походныхъ колоннъ, какъ онъ, вернувъ ей свободу, далъ рядное доказательство ея *неприкосновенности*. Это было въ походъ, *завоевавшій* Хиву. Туда вели дороги

по страшнымъ пустынямъ, имена которыхъ—„погибель человѣка“ (Адамъ-Крылганъ), кромѣ одной, шедшей вдоль берега Аму-Дарьи, начинаясь въ Бухарѣ. Казалось бы, какой еще другой услуги ждать отъ *союзника* и тѣмъ болѣе отъ *вассала*, какъ не пригласить

шенія: идите къ Хиву по „моей“ дороге. Это приглашеніе и сдѣлала Бухара. Но мы ей сказали: „что ты, голубушка! это можетъ скомпрометировать твою независимость“... И наши войска, шедшіе изъ Тукрестана, чуть не *погибли* въ пескахъ, идя отъ струй Аму-Дарьинскихъ столь далеко въ пустынь, сколько нужно было, чтобы по самой мелкой географической картѣ нельзя было бы считать бухарскія владѣнія занятыми нашимъ походомъ“... Мы только *назадъ* разрѣшили себя согласиться *прихватить* краешекъ Бухары....

Опять таки я вовсе не точу зубы на Бухарскую независимость: столь большой „баринъ“, какъ Россія, вправѣ позволять себѣ какую угодно роскошь... Я только хотѣлъ напомнить, что эта независимость *искусственна* и явилась послѣ установленія съ этимъ государствомъ нашихъ добрососѣдскихъ отношеній путемъ полного зевоеванія, послѣ истощенія всѣхъ мѣръ кротости и строгости. Но каждый *искусственный* шагъ чреватъ дальнѣйшими неудобствами, разсѣкать которые приходится всегда „грубовато“. Подготовка Среднеазіатскаго фронта на случай войны съ англо-авганцами вынудила насъ на двѣ такихъ грубости; провести средне-азіатской ж. дороги черезъ Бухару и занятіе Чарджуй, Керковъ и особенно Термеза съ учрежденіемъ къ нимъ дорогъ: водной по Аму-Дарьѣ и сухопутной отъ Самарканда, по Бухарѣ-жс... Но то ли еще будетъ, если бы населенію Бухары взбрело въ голову получить *представительный* образъ правленія.....

И вотъ сколько намучилась русская Стратегія съ песками Адамъ-Крылганъ, столько же предстоитъ опасной возни министерству внутреннихъ дѣлъ съ этой эмансипированной подругой

русской внѣшной политики, Бухарой...

Дай Богъ, чтобы мы ошиблись!

Вернемся къ добрососѣдскимъ *отношеніямъ* съ Авганистаномъ.

Если у англичанина, проживающаго въ Бухарѣ (а у меня былъ такой знакомецъ) выйдетъ *непріятность* съ бухарцами, то стоитъ только или позвонить по телефону къ русскому агенту или просто пригрозить русскимъ *именемъ* и всѣ интересы англичанина тотчасъ будутъ защищены со скоростью „электрическаго“ тока! Я утверждаю, что это есть *добрососѣднія* отношенія наши и нашего вассала, Бухары къ иностранцамъ. Тоже самое творится быстро и нелицепріятно по каждой жалобѣ авганцевъ пограничныхъ и приходящихъ къ намъ...

Не то происходитъ съ нашими интересами! Я приведу реальный примѣръ. Авганцы, положимъ обязались, не *выводить* изъ р. Кушки, берущей начало въ ихъ владѣніяхъ, ни одной лишней оросительной канавы, чтобы не *лишать воды наши поселки по той же*

рѣкѣ. Однако идутъ годы, обязательство забывается вольно и невольно, р. Кушка становится все худосочнѣе, а урожай нашихъ полей все мизернѣе... А такъ какъ мы не имѣемъ права входа въ Авганистанъ, то чтобы прослѣдить причину худосочія Кушки должны снарядить туда шпіона. Изъ донесенія этого агента мы, положимъ усматриваемъ, что Кушка сохнетъ отъ лишнихъ *незаконныхъ* канавъ. Мы пишемъ протестъ сосѣдному авганскому начальнику. Онъ отсылаетъ его въ Герать, Герать—въ Кабуль, Кабуль—въ Индію, Индія въ Лондонъ, Лондонъ въ Петербургъ... А Петербургъ пишетъ на Кушку: „кто смѣлъ *безъ* разрѣшенія обращаться къ авганскимъ

властямъ... возбудить дѣло черезъ Петербургъ"... И вотъ создается такое же положеніе какъ во Франціи наканунѣ революціи: „чтобы починить мостъ по проселочной дорогѣ въ провинціи, нужно ѣхать въ Парижъ! Ну, развѣ это добрососѣднія отношенія! Послѣ такихъ пассажей, ближайшій начальникъ, положимъ считающій васъ своимъ другомъ, за поданные ему вами лакированные сапоги, возвращаетъ вамъ слѣдующій вашъ протестъ съ припиской: „я не далъ ему ходу, чтобы тебя опять не выбросили изъ Лондона и Петербурга, какъ прошлый разъ“.

Встрѣтилъ я разъ двухъ авганцевъ солдатъ далеко углубившихся въ нашъ край на охоту за джауранами... Мы обошлись съ ними, согласно нашей инструкціи, „мягко и обходительно“. Другой разъ мы съ товарищемъ рискнули сами пойти въ ихъ сторону... и что же, встрѣчаемъ тѣхъ же солдатъ. Оба они тотчасъ стали настаивать, чтобы мы ушли, говоря, что имъ отданъ приказъ: „ничего русскимъ не запрещать, но ничего и не позволять!“. Этотъ приказъ я слышалъ отъ многихъ но съ меня его требовали всегда по второй, а не по первой его части... Это ли не отношеніе добрыхъ *сосѣдей*!

Послѣ боя 18 марта 1885 года, генералъ Комаровъ отпустилъ во свояси 7 плѣнныхъ и 13 выздоровѣвшихъ раненыхъ авганцевъ снабдивъ этихъ людей деньгами, платьемъ и даже вьюками на дорогу... Авганцы ограбили этихъ своихъ земляковъ и даже обрѣзали нѣсколькимъ уши... На заявленіе ген. Комарова, что онъ приказалъ похоронить авганцевъ, павшихъ въ бою на Кушкѣ, по правиламъ шаріата и руками мусульманъ, авганскій начальникъ не прислалъ даже спасибо... Не сдѣлали это и всѣ его повелители

вплоть до Кабула, куда дошло это донесеніе...

Отчужденіе наше отъ Авганистана чревато большими невыгодами и въ военномъ смыслѣ: мы лишены свободного, не шпіоннаго, еспособа изучать своего сосѣда, какъ военного противника, не запрещая въ то-же время ему изучать насъ, вслѣдствіе открытаго ему свободного доступа къ намъ.

Наше не только военное, но и гражданское общество вправѣ періодически тревожиться вопросомъ—„а что мы знаемъ о вооруженныхъ силахъ и средствахъ того или другого сосѣда?“. И военная печать или печать освѣдомленная гражданская не должна замалчивать этого вопроса, дабы избѣжать такихъ катастрофъ (съ подготовкой къ войнѣ на томъ или другомъ изъ фронтовъ) какая случилась на Дальне-Восточномъ отъ того, что мы обсчитались тамъ ровно втрое противъ дѣйствительности.

Итакъ—что мы знаемъ объ Авганистанѣ, съ военной стороны?

— Весьма и весьма немного; а то что и знаемъ, въ томъ мы совершенно неувѣрены. Словомъ, знаемъ процентовъ на 75 хуже, чѣмъ знали о Японіи передъ войной съ ней.

Причины? Мы о нихъ уже говорили.

— Авганская граница закрыта для насъ и переходъ ея, вообще говоря, возможенъ только тайкомъ, или для азіатца или для европейца симулирующаго азіатца, по примѣру извѣстнаго Вамбери съ его легендарнымъ въ свое время путешествіемъ въ Бухару. Я не скажу, чтобы примѣръ Вамбери не былъ заразителенъ и не былъ практикуемъ и сейчасъ, но вѣдь это колоссально трудно. Отъ нашей воли единственно зависитъ терпѣть такіе труды.

Отказъ нашего правительства отъ каждаго развѣдчика, попавшагося ав-

ганцамъ—это естественный совершенно поступокъ въ организаціи тайной развѣдки каждаго государства. Поэтому нашихъ развѣдчиковъ, изучающихъ даже то, что можетъ видѣть всякій путешественникъ и во всякой странѣ, ожидаетъ или смерть или заточеніе.

Поэтому главнымъ средствомъ добывать свѣдѣнія объ Авганистанѣ является случайный опросъ очевидцевъ и вылавливаніе свѣдѣній изъ англійской и индійской печати. И то и другое весьма и весьма зыбко. Вотъ примѣръ. Одно время изъ англійскихъ источниковъ явствовало, что вокругъ старой крѣпости Гератъ появились форты современной конструкціи, а отлогіе *прямыхъ* переваловъ отъ нашей крѣпости Кушки въ Гератъ показывали ихъ мало доступными для проложенія полевой жел. дор. Но одинъ счастливый случай показалъ, что оба эти свѣдѣнія насъ *морочили*, можетъ быть умышленно. Въ одномъ

изъ пограничныхъ штабовъ собирались и систематизировались *базарные* авганскіе слухи. И вотъ одному изъ офицеровъ пришло на умъ подсчитать сколько по этимъ слухамъ за послѣдніи десяти лѣтъ ввезено было въ Авганистанъ *новѣйшихъ* пушекъ, ружей, патроновъ и снарядовъ. Подсчиталъ цифры прямо химерическія, ясно показывающія зыбкость того источника изъ котораго черпались эти свѣдѣнія. Таковы въ большей или меньшей степени *все* источники объ Авганистанѣ вслѣдствіе закупорки отъ насъ его дверей.

Сколько войска можетъ выставить Авганистанъ?

Считаютъ у насъ, что до *милліона* (860,000) воиновъ при 3,000 пушекъ. Для оправданія этой цифры у насъ обыкновенно берутъ наибольшую цифру изъ 3—4 ея варьянтовъ, предлагаемыхъ разными источниками. Въ томъ числѣ

считаютъ $\frac{1}{10}$ регулярныхъ войскъ (109,400), $\frac{1}{20}$ полу-регулярныхъ (50,000 милиціи) и до $\frac{7}{8}$ ополченія. У насъ весьма любятъ опираться на извѣстную книгу „Автобіографія Абдурахмана“, которая весьма подозрительнаго происхожденія. Съ нѣкоторой *увѣренностью* у насъ еще могутъ говорить о *регулярной* части авганской арміи, о ея пѣхотѣ и конницѣ, да можетъ быть о милиціи. Въ регулярной арміи $\frac{1}{3}$ пѣхоты и $\frac{1}{2}$ въ милиціи. Про артиллерію авганцевъ столько же вѣрныхъ свѣдѣній сколько и невѣроятныхъ. Число батарей неизвѣстно. Полагаютъ, что большее число орудій—устарѣлыхъ системъ; изъ новѣйшихъ подозреваютъ мелкіе новой горной (свинтной) англійской пушки, калибромъ 2,75 дюйма, да двухъ типовъ полевой пушки—18-ти фунтовой скорострѣльной и 15-ти фунтовой полевой. О пулеметахъ давно идетъ молва, ни чѣмъ существеннымъ не подтвержденная. Ружья по словамъ развѣдчиковъ—„новѣйшихъ системъ и отлично содержатся“, а то что удалось мнѣ лично видѣть на границѣ—устарѣло и содержится отвратительно!

И до тѣхъ поръ пока будутъ у насъ продолжаться эти анти-сосѣднія отношенія съ Авганистаномъ, до тѣхъ поръ будемъ сыпать горсти золота за ворохи развѣдочныхъ свѣдѣній, среди которыхъ, какъ среди горъ негоднаго песку кое гдѣ блещутъ крупинки *похожія* на золото.

Мы только что отпраздновали 25-ти лѣтній юбилей славнаго боя на рѣкѣ Кушкѣ 1885 $\frac{18}{III}$ 1910 г. и больше къ сожалѣнію, писали и говорили о подробностяхъ сраженія, чѣмъ о поучительности всей *обстановки*, которая раскрылась передъ нами тогда. Обстановку эту грѣшно (для нашихъ государственныхъ интересовъ) забывать!

Съ ней слѣдуетъ намъ сообразовать текущую нашу политическую и всякую другую практику въ этихъ краяхъ.

Я, какъ имѣвшій случай разсмотрѣть архивы нашего разграниченія съ Авганистаномъ при посредствѣ Англіи въ 1885 г.—подѣлюсь съ читателями выводами изъ нравоученій этихъ архивныхъ документовъ, окропленныхъ на Кушкѣ кровью нашей и авганской... но не *англійской*! А этотъ бой и эта кровь суть прямые результаты *соглашенія* съ Англіей... И наши теперешнія странныя, оскорбительныя, неудобныя и непрактичныя отношенія наши къ Авганистану—суть также плоды нашего *соглашенія* съ Англіей... Мы же попали теперь въ полосу такого уклада жизни въ Средней и Малой Азіи, что *соглашеніе* съ Англіей считается *панацеей* отъ всякихъ бѣдъ въ этихъ краяхъ. „Кушкинскій“ же опытъ говоритъ другое: онъ свидѣтельствуешь о вредѣ для насъ *соглашеній* съ Англіей.

Правда предстоитъ еще рѣшить вопросъ—отчего этотъ вредъ происходитъ—отъ самаго ли факта *соглашенія* или отъ неумѣнья имъ пользоваться. Я, забѣгая впередъ, скажу, что *соглашеніе* само по себѣ едва ли можетъ быть когда либо вреднымъ, но мы вступая въ него не можемъ подпасть настолько англійскому вліянію, чтобы не играть роли приниженной раболѣпной, угодливой даже тогда, когда этого не надо по обстановкѣ...

Да вотъ примѣры!

Что наша политика права стараясь съ давнихъ поръ избѣжать столкновенія съ Англіей—это разумно. Ибо Англія очень *сильная* и *вліятельная* держава въ свѣтѣ, и тамъ гдѣ сама не сможетъ укусить, заставить (своимъ золотомъ и вліаніемъ) кусать

васъ какойнибудь другой народъ. Да мы сами не разъ дѣйствовали въ европейскихъ коалиціонныхъ войнахъ на англійское золото.

Но можно *избѣгать* столкновеній не теряя своего достоинства, не связывая своихъ рукъ и не прислуживая... Трусить *всякаго* неудовольствія Англіи—значить терять уваженіе въ ея собственныхъ краяхъ.

Всѣ народы стараго свѣта искони старались проложить торговую дорогу въ богатую Индію. И мы тоже—о чемъ свидѣлствуютъ наши былины, лѣтописи, архивы и написанная уже исторія „Московской“ и „Петербургской“ Руси. Это такъ естественно... Улаживая съ народомъ Средней Азіи свои сосѣдскія отношенія, до завоеванія ихъ включительно, мы всегда имѣли въ виду *открыть* и *обезопасить* торгъ въ направленіи къ Индіи. Это такъ натурально! А когда намъ приходилось злобствовать на Англію, мы не упускали случая мечтать, пробовать и грозить *укусить* Англію со стороны Индіи...

И вотъ, при всемъ томъ, наша политика взялась за страшное дѣло—увѣрять Англію, что мы не имѣемъ *никакихъ видовъ* на Индію! Это уже неестественно, это ужъ выглядит странно... и, я увѣренъ, что эти *успокоенія*, противныя ходу всей нашей исторіи, гораздо болѣе *нервируютъ* Англію, чѣмъ наши Средне-Азіатскія дѣла, походы и проч... Какъ можно отречься отъ исторіи! Какъ можно дать слово *не кусать*, когда захочется ѣсть!

Мы, славяне, имѣемъ еще слабость, лѣзть *цѣловаться* ко всякому первому встрѣчному, когда мы въ восторгѣ отъ какойнибудь удачи: тогда мы начинаемъ *благодѣтельствовать* на право

и на лѣво, обѣщать все и всѣмъ даже когда насъ не просятъ!!!

Въ пору нашихъ блестящихъ успѣховъ въ Туркестанѣ и Хивѣ, въ 70-хъ годахъ, мы столь умилились душой, что „поклонились“ Англіи въ неимѣніи какихъ либо стремленій въ сторону Индіи и сами навязались на *соглашеніе* 1872—73 годовъ: „не дѣлать къ сторонѣ Авганистана ни политическихъ, ни стратегическихъ шаговъ, безъ *вѣдома* и безъ *посредства* Англіи“.

Скоро рядъ обстоятельствъ упразднилъ самъ собою это соглашеніе. Авганистанъ пытался *опереться* на нашу руку, нажилъ за это войну съ Англіей, въ которой мы его не поддерживали, но изъ которой онъ вышелъ съ достаточной *самостоятельностью*, признавъ надъ собою лишь тѣнь зависимости отъ Англіи, и то на плату, ввидѣ ежегодной и довольно крупной субсидіи эмиру. Но торгоши англійскіе ухитрились сдѣлать эту субсидію сорной ямой, въ которую они валили все старье своихъ оружейныхъ арсеналовъ и своихъ войсковыхъ цейхгаузовъ: вотъ почему гражданскіе чиновники высшихъ ранговъ щеголяютъ въ третьесрочныхъ мундирахъ кондукторовъ правительственныхъ индійскихъ дорогъ, которымъ перемѣнили форму, а пѣхота эмира стрѣляетъ изъ ружей съ „пулей Минье“.

Роль Англіи въ Русско-Турецкой войнѣ заставила насъ даже бредить походомъ на Индію и собирать для этого войска въ Туркестанѣ, развѣдывать офицерами генеральнаго штаба Турк. на Гиндукушскіе перевалы...

Послѣ блест. Ахалтекинскаго похода, занятіе Мерва и очевидно *тяготѣніе* къ намъ всей остальной свободной Туркменіи—солоровъ теджент-

скихъ, сѣрыковъ пендинскихъ и эрсаринцевъ аму-дарьинскихъ... и даже *тяготѣніе* племени сѣвернаго Авганистана—узбековъ, хазарійцевъ, фиружеевъ и джеишидовъ—снова столь умилило наше сердце, что мы, нуждаясь въ разграниченіи съ Авганистаномъ, вдругъ объявили Англіи, что — „считая Авганистанъ, согласно соглашенія 1872—73 г.г. безгласнымъ вассаломъ Англіи, желаемъ сдѣлать это разграниченіе не съ Авганистаномъ, а съ Англіей“.

Этимъ министръ нашъ Гирсъ думалъ разодолжить совершенно Англію И разодолжилъ на свою голову.

Англія, зная, что Авганистанъ вовсе не такъ послушенъ въ ея рукахъ, какъ Бухара въ рукахъ Россіи—предложила пригласить въ разграничительную комиссію авганскаго делегата. Но мы увидѣли въ этомъ лишь хитрость—какъ бы испытаніе нашего *доверія* къ Англіи или Англіи къ намъ и—нотой отъ 3-го мая 1884 г. мы объявили, что представителя отъ Авганистана допускаемъ въ разграничительную комиссію, *только* какъ эксперта, какъ знатока мѣстныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, мы старались *нестественно* угодить Англіи—что походило ужъ на низкопоклонство...

Авганистанъ же не читалъ переписки между Петербургомъ и Лондономъ не зналъ, что мы затѣваемъ дѣлать шкуру еще не убитого медвѣдя... Онъ вовсе не *считалъ* себя въ такой зависимости отъ Англіи, какъ мы ему это насильно навязывали... И несмотря на то, что это ясно передъ нами обнаружилось, мы все стояли на своемъ „въ угоду Англіи“...

А обнаружилось это такъ. Англія *просила* Авганистанъ пропустить изъ Индіи въ районъ разграниченія конвой

ея комисси въ 1000 человекъ солдатъ и вооруженныхъ рабочихъ. Эмиру это было не по душѣ и онъ объявилъ, что пусть идутъ, но онъ снимаетъ съ себя отвѣтъ за разбой попутныхъ авганскихъ племенъ и ставитъ условіемъ, чтобы англійскій отрядъ не приближался къ Герату! Хорошъ вассалъ! попробовала бы это сдѣлать съ нами Хива или Бухара.

А мы уперлись на своемъ—идя на разграниченіе съ твердой предвзятостью, что всякое треніе съ авганцами во время разграниченія будетъ легко устранено *сюзереномъ* Авганистана—Англійей!

Кажется Англія быстро смекнула, что при такомъ положеніи вещей легче—легкаго столкнуть насъ съ авганцами, причемъ это столкновение *уничтожитъ окончательно* послѣднюю тѣнь возможности *сближенія* нашего съ Авганистаномъ, шире развернетъ *пропасть* нашихъ добросѣдскихъ съ нимъ отношеній и тѣмъ возможно лучше бросить Авганистанъ въ руки, въ объятія Англіи...

Все это и совершилось и мы получивъ на Кушкѣ столь легкой и пышный триумфъ надъ войскомъ авганцевъ, доставили тѣмъ рѣдкій триумфъ англичанамъ надъ волей и сердцемъ Авганистана..., триумфъ котораго они не могли добиться *мечемъ* Робертса въ войну 1879—1881 г.г. ни *золотомъ* ежегодной богатой эмирской субсидіи, ни уступчивостью нашей дипломатіи... Праздникъ 18 марта 1885 г.—есть праздникъ для *англійской* политики, торжество надъ нашей простоватостью въ политикѣ Средней Азіи.

Теперь документально ясно, что авганцы были подбиваемы англичанами (г. Лемедня и его спутники) на захваты Зюльфагора, Пенде... въ спорной

полосѣ, разграниченія; что наши протесты противъ этихъ захватовъ, передаваемые нами черезъ англичанъ, *не дѣйствовали* отчасти по достаточной самостоятельности авганцевъ и непослушанію ихъ Англіи, отчасти по нежеланію англичанъ, чтобы наши протесты содѣйствовали къ мирному улаженію дѣла.

Капитанъ Іетъ проговорился, что онъ и не сомнѣвался въ томъ, что при столкновеніи, мы, какъ лучше вооруженные и лучше обученные—одержимъ верхъ надъ авганцами... Стало быть этотъ Іетъ, убѣждавшій въ то же самое время авганскаго начальника Тимуръ-шаха быть твердымъ—толкалъ его на явное пораженіе, толкалъ Авганистанъ, получить отъ Россіи кровную обиду, кровавый урокъ, несмыаемый десятками лѣтъ нашей теперешней пограничной уступчивости... Вотъ что значитъ искать *соглашеній* съ Англіей въ Средней Азіи! Кто поручится, что въ слѣдующій разъ дѣло *соглашенія* не принесетъ намъ такихъ же или еще болѣе горькихъ плодовъ.

Бой на Кушкѣ, устроенный англичанами, отворилъ имъ и ихъ конвою двери въ Гератъ съ 1885 г. и заперъ дверь въ Авганистанъ намъ, русскимъ!

Ясно ли теперь Вамъ, читатель, наше настоящее отчужденіе отъ Авганистана? Ясно ли отчего оно произошло? кто и что его виной...

И вы думаете, что я открылъ Америку, что это не говорилось и не писалось въ то самое время, когда складывались описанныя мной событія?

Напротивъ, генералъ Шепелевъ, состоявшій при генералѣ Дундуковѣ-Корсаковѣ*) во время хода разграни-

*) Закаспійская область, гдѣ шло разграниченіе входила въ составъ Кавказа, гдѣ правилъ тогда ген. Дундуковъ.

ченія, доказывалъ, что мы напрасно избѣгаемъ внимательнѣе взглянуть въ вопросъ—да не вредно ли для насъ въ Средней Азіи соглашеніе съ Англіей?

Генераль Зеленый какъ бы отвѣчалъ на это: Да, безусловно вредно. Это дастъ возможность Англіи ссорить насъ съ Авганистаномъ и питать его отчужденность отъ насъ.

А генераль Дундуковъ—Корсаковъ прямо заявилъ, что мы дѣлаемъ страшный промахъ „надѣвая бѣлые перчатки“ въ Средней Азіи за долго до соприкосновенія нашихъ владѣній съ *безспорными* владѣніями Англіи... Онъ говорилъ, что всякое *соглашеніе* полезно только Англіи; что всякое *соглашеніе* умаляетъ наше значеніе въ глазахъ впечатлительныхъ средне-азіатцевъ отъ Каспія до Кашгара и отъ Хивы до Индіи... Что иначе—то кто же можетъ его и почитать. Дѣйствительно, что должны думать кругомъ, видя, что Россія въ вопросахъ чисто домашнихъ, въ своихъ пограничныхъ владѣніяхъ съ авганцами не *смететъ* шагу сдѣлать безъ *вѣдома* и *согласія* третьей державы... Конечно, всякій скажетъ, что *veto* Англіи *ограничиваетъ* въ Средней Азіи нашу державную самостоятельность!.. а въ Азіи все это толкуется какъ *слабость*.

Г. Дундуковъ говорилъ всегда, что наше теперешнее положеніе въ Средней Азіи болѣе чѣмъ когда нибудь благопріятствуетъ полной свободѣ нашихъ рукъ тамъ, и что одна увѣренность въ этомъ сдѣлала бы Авганистанъ послушнымъ намъ, какъ овечка, и сосѣдомъ самымъ расположеннымъ, доброжелательнымъ и предупредительнымъ.

Дѣйствительно, Авганистанъ совершенно не *прикрытъ* природой отъ

Россіи, такъ какъ онъ надежно заслоненъ отъ Англіи со стороны Индіи валомъ Трансъ-Индскихъ горъ, населенныхъ осинымъ гнѣздомъ воинственныхъ народцевъ, съ которыми Англія вотъ уже столѣтіе ведетъ трудную борьбу, не уступающую нашему покоренію Кавказа. Къ Россіи же Авганистанъ обращенъ конгломератомъ народцевъ, явно тяготящихся уйти изъ подъ суроваго управленія авганцевъ—и это то и задавило бы Авганистанъ, при достаточной свободѣ рукъ нашихъ, дѣлать въ нашу сторону „пріятныя улыбки“. Вѣдь извѣстно, что изъ-за Кушкинскаго столкновенія неминуемо разразилась бы война Россіи противъ англо-авганцевъ, если бы послѣ боя сѣверныя авганскія племена не потянули къ намъ, если бы среди индусовъ въ Индіи не поднялось бы броженіе и весь конгломератъ народцевъ Авганистана и Индіи не далъ всѣхъ трещинъ отъ этого небольшого удачнаго удара по р. Кушкѣ.

Итакъ наше положеніе въ Ср. Азіи должно жить безъ соглашеній, безъ заднихъ лапокъ передъ Индіей... и только это будетъ обладать свойствомъ достойнымъ нашего государства. Прямота нашихъ желаній къ сторонѣ Индіи—*добрососѣдскія и бойкія торговля отношенія*—никогда не столкнутъ насъ съ англо-авганцами, какъ непременно это сдѣлаютъ ваши увѣренія въ равнодушіи къ Индіи.

А. Шеманскій.